

В Е С Т Н И К ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

№ 1
2025
Том 25

Редационный совет

Юрген БАЗЕДОВ

Беа ВЕРШРАЕГЕН

В.В. ВИТРЯНСКИЙ

Г.А. ГАДЖИЕВ

А.Г. ДОЛГОВ

В. ЕМ

И.С. ЗЫКИН

А.С. КОМАРОВ

Хельмут КОЦИОЛЬ

П.В. КРАШЕНИННИКОВ

А.А. МАКОВСКИЙ (председатель)

Л.Ю. МИХЕЕВА

Л.А. НОВОСЕЛОВА

Е.А. СУХАНОВ

В.В. ЧУБАРОВ

В.Ф. ЯКОВЛЕВ

Главный редактор

Е.А. СУХАНОВ

Зам. главного редактора

А.Е. ШЕРСТОБИТОВ

С.В. ТРЕТЬЯКОВ

Ответственные редакторы

М.И. ЛУХМАНОВ

М.А. ПШЕНИЧНИКОВ

И.Р. АБДУЛЛИН

Редационная коллегия

Е.В. ВЕРШНИНИНА, А.В. ЕГОРОВ,

О.М. КОЗЫРЬ, А.Н. КУЧЕР,

А.А. МАКОВСКАЯ, Е.А. ПАВЛОВА,

С.В. САРБАШ, С.А. СИНИЦЫН,

Н.Б. ШЕРБАКОВ, Т.С. ЯЦЕНКО

ISSN 1992-2043

Отдел подписки: mvgp@mvgp.org

Журнал «Вестник гражданского права»
выходит три раза в полугодие,
зарегистрирован Федеральной службой
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.
Пер. № ФС77-25484 от 14 августа 2006 г.

Учредители:

В. ЕМ, А.А. Маковский, Е.А. Суханов

Издатель: ООО «Издательский дом В. Ем»
119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 92, корп. 2.
тел.: +7 (495) 649 18 06; www.mvgp.org

Перепечатка материалов из журнала
«Вестник гражданского права»
допускается только с согласия Издателя.
Ссылка на источник опубликования обязательна.

Издатель или Редакция не дают справок
и консультаций и не вступают в переписку.
Рукописи не возвращаются.

Учредитель, Издатель не несут ответственности
за содержание рекламы и объявлений.

Журнал «Вестник гражданского права»
включен в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий, в которых
должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени
доктора и кандидата юридических наук.

Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева
при Президенте Российской Федерации

CIVIL LAW

R E V I E W

No. 1
2025
Vol. 25

Editorial Council

Jürgen BASEDOW

Bea VERSCHRAEGEN

V.V. VITRYANSKY

G.A. GADZHIEV

A.G. DOLGOV

V. EM

I.S. ZYKIN

A.S. KOMAROV

Helmut KOZIOL

P.V. KRASHENINNIKOV

A.L. MAKOVSKY (chairman)

L.Yu. MIKHEEVA

L.A. NOVOSELOVA

E.A. SUKHANOV

V.V. CHUBAROV

V.F. YAKOVLEV

Editor-in-Chief

E.A. SUKHANOV

Deputy Editors-in-Chief

A.E. SHERSTOBITOV

S.V. TRETYAKOV

Managing and Executive Editors

M.I. LUKHMANOV

M.A. PSHENICHNIKOV

I.R. ABDULLIN

Editorial Board

E.V. VERSHININA, A.V. EGOROV,

O.M. KOZYR, A.N. KUCHER,

A.A. MAKOVSKAYA, E.A. PAVLOVA,

S.V. SARBASH, S.A. SINITSYN,

N.B. SHCHERBAKOV, T.S. YATSENKO

ISSN 1992-2043

Subscription Dep.: mvgp@mvgp.org

Founders:

V. Em, A.L. Makovsky, E.A. Sukhanov

The *Civil Law Review* Journal is being published three times in a half of the Year.

The *Civil Law Review* is registered by the Federal Service for supervision of legislation in mass communications and cultural heritage protection (Russia). Reg. No. FS77-25484 of August 14, 2006.

Publisher:

LLC «V. Em Publishing House»

119454, Moscow, Lobachevskogo St., 92,

Bldg. 2.

Phone: +7 (495) 649 18 06; www.mvvp.org

Reprint and republication of all the materials of the *Civil Law Review* Journal are allowed only with the consent of the Publisher. The appropriate reference to the source of publication is obligatory.

The Publisher and the Editor's office do not render information and consultations and do not enter into correspondence. Manuscripts are not being returned. The Founders and the Publisher are not responsible for the content of advertisements and announcements.

The *Civil Law Review* Journal is included into the official governmental List of leading peer-reviewed scientific periodicals (Russia).

Private Law Research Centre under the President
of the Russian Federation named after S.S. Alexeev

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО (ГРАЖДАНСКОГО) ПРАВА

ОСОБЕННОСТИ КОНДИКЦИОННЫХ ТРЕБОВАНИЙ, ОСЛОЖНЕННЫХ УЧАСТИЕМ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА

■

Д.А. ЛУДАНИН,

аспирант кафедры гражданского права юридического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова, магистр частного права (МГУ им. М.В. Ломоносова),
юрист практики разрешения споров и интеллектуальной собственности
юридической компании *ALUMNI Partners*

<https://doi.org/10.24031/1992-2043-2025-25-1-7-42>

В настоящей работе проведен анализ случаев неосновательного обогащения, осложненных участием третьего лица, как квинтэссенции теории об условии «за счет потерпевшего» как условия кондикционного обязательства. Автор исследует проблемы, связанные с такими ситуациями, и предлагает возможные пути правильного и справедливого определения сторон кондикционного обязательства в подобных случаях. В результате исследования автор приходит к выводу о необходимости дифференцированного регулирования кондикционных обязательств в зависимости от того, чьими действиями вызвано обогащение.

Ключевые слова: неосновательное обогащение; делегация; принцип относительности обязательств.

PECULIARITIES OF CLAIMS ARISING FROM UNJUSTIFIED ENRICHMENT COMPLICATED BY THE PARTICIPATION OF A THIRD PARTY

D.A. LUDANIN,

PhD Student, Department of Civil Law, Faculty of Law,
Lomonosov Moscow State University, Master of Private Law
(Lomonosov Moscow State University), Associate at Dispute Resolution
and Intellectual Property Practice,
ALUMNI Partners Law Firm

This paper analyses cases of unjust enrichment complicated by the participation of a third party, as a quintessence of 'at the expense of the plaintiff' requirement as a condition of an obligation arising from unjustified enrichment. The author explores the problems associated with such situations and suggests possible ways to correctly and fairly determine the parties to the obligation in such cases. As a result, the author concludes that there is a need for differentiated regulation of obligation arising from unjustified enrichment depending on whose actions caused the enrichment.

Keywords: unjust enrichment; delegation; relativity of obligations.

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно считается, что классические случаи уплаты недолжного являются достаточно простыми казусами в рамках права неосновательного обогащения с точки зрения определения должника и кредитора по кондикционному обязательству¹. Например, если А в результате ошибки в платежных реквизитах переводит денежные средства в адрес Б, то в такой ситуации не вызывает сомнений, что А является потерпевшим, а Б – приобретателем. Как видно, в данной ситуации присутствует только две стороны кондикционного правоотношения, где плательщик (А) является кредитором, а приобретатель (Б) является должником по кондикционному обязательству. Такие ситуации могут быть условно названы «двусторонними» кондикциями.

¹ См., напр.: *Маковский А.Л. Обязательства вследствие неосновательного обогащения (глава 60) // Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (часть вторая) / под ред. О.М. Козырь, А.Л. Маковского, С.А. Хохлова. М.: МЦФЭР, 1996.*

Сложности с легитимацией сторон кондикционного обязательства возникают, когда к такой классической «двусторонней» кондикции добавляется третье лицо, которое каким-либо образом участвует в спорном отношении. Касательно таких ситуаций П. Шлехтрим писал, что данная тема является ночным кошмаром всего учения о неосновательном обогащении (*Albtraum des Bereicherungsrechts*); А. Шалль характеризовал ее как необъятную сложность (*unermessliche Komplexität*):. Для наглядности можно привести следующую ситуацию:

Лицо А дает поручение своему банку Б осуществить платеж в пользу С (кредитора А). Б осуществляет такой платеж, чем прекращает долг А перед С. Вопрос возникает в тот момент, когда, например, правоотношение между А и С (отношение валюты) является дефектным. Кто в такой ситуации управомочен на предъявление кондикционного требования и кто является надлежащим должником? Изменится ли ответ, если дефектным будет договор о банковском обслуживании, заключенный А и Б (отношения покрытия)? Или может возникнуть другой вопрос: что, если договор в отношениях покрытия будет действительным, а дефект будет лежать в плоскости самого поручения (инструкции), выданной А своему банку Б? Как решается вопрос легитимации в случае дефектности как отношений покрытия, так и отношений валюты? Меняются ли решения указанных вопросов, если Б исполняет обязательство без какой-либо инструкции со стороны А?

Как видно из приведенного выше примера и многообразия различных проблемных вопросов, ситуации, в которых существует более двух участников, могут вызвать определенные трудности с точки зрения пассивной и активной легитимации в кондикционном обязательстве.

Основной вопрос в этой связи состоит в следующем: кто является надлежащим кредитором и должником в кондикционном обязательстве, когда в спорном отношении задействовано более двух лиц? С учетом того, что функция условия «за счет потерпевшего»³ заключается в правильном определении сторон кондикционного отношения⁴, тема трехсторонних отношений является квинтэссенцией исследований, посвященных данному условию.

¹ Looschelders D. Schuldrecht Besonderer Teil. 16. Aufl. München: Vahlen, 2021. S. 480–481.

² Schall A. Abrüstung der Bereicherungsdogmatik im Dreipersonenverhältnis // JuristenZeitung. 2013. Bd. 68. H. 15. S. 753–760.

³ Согласно п. 1 ст. 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных ст. 1109 ГК РФ.

⁴ См., напр.: Birks P. Unjust Enrichment. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 74–80.

1. ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ПРАВОПОРЯДОК

В российском законодательстве, в частности в гл. 60 ГК РФ, посвященной неосновательному обогащению, отсутствуют ответы на указанные выше вопросы и в целом какое-либо регулирование ситуаций трехсторонней кондикции.

В разъяснениях высших судебных инстанций можно встретить упоминание указанной проблемы. В частности, ВАС РФ отметил, что недействительность или расторжение договора между должником и третьим лицом, в силу которого третье лицо произвело платеж кредитору, не влечет возможность третьего лица предъявлять кондикционное требование к кредитору (получателю платежа)¹.

В 2016 г. ВС РФ придал этой позиции более общий характер, сформулировав ее следующим образом: поскольку кредитор не обязан проверять действительность или существование правоотношений между третьим лицом и должником, денежная сумма, полученная от третьего лица, не может быть истребована у кредитора (кроме случаев, когда кредитор является недобросовестным) в качестве неосновательного обогащения².

Указанными правовыми позициями фактически исчерпывается регулирование вопросов неосновательного обогащения в трехсторонних отношениях в российском праве. Как видно, суды прямо регламентируют только один из возможных проблемных вариантов отношений между сторонами: дефект отношений покрытия. Причем это регулирование, вероятно, должно рассматриваться как общее правило: как в случае ничтожности сделки между третьим лицом и должником, так и в случае отзыва ранее данного возложения третье лицо не может потребовать возврат неосновательного обогащения от кредитора. Но учитывает ли такая ситуация интересы иных участников исполнения обязательства или же акцент всегда должен быть смещен только на кредитора как лицо, не участвующее в отношениях покрытия?

С другой стороны, указанные разъяснения не регламентируют правовые последствия исполнения обязательства третьим лицом при дефектности отношений валюты. Обязано ли третье лицо анализировать отношения должника и кредитора или их дефектность, так же как и в случае с отношением покрытия, не должна приниматься во внимание? Вопрос возникает также в случае дефектности как отношений покрытия, так и отношений валюты. В такой ситуации непонятно, кто является надлежащими сторонами кондикционного обязательства и, соответственно, как разрешать такие казусы. В любом случае разъяснения судов не дают ответа на данный вопрос.

¹ Пункты 12, 13 информационного письма Президиума ВАС РФ от 11 января 2000 г. № 49 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении».

² Пункт 20 постановления Пленума ВС РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении».

Можно отметить, что данные позиции рассчитаны на те ситуации, когда обогащение возникает в результате действий потерпевшего, но не приобретателя. Соответственно, указанные разъяснения не учитывают случаи обогащения, возникающие в результате действий приобретателя.

Интересно в этой связи обратить внимание на *отечественную доктрину*.

В объяснениях к Проекту Гражданского уложения Российской империи 1905 г. была описана ситуация, когда плательщик при посредстве третьего лица передает имущество приобретателю без воли последнего. Авторы объяснений признают, что при таких обстоятельствах не возникает обязательственного отношения между плательщиком и приобретателем¹. Вместо этого имеются два обязательственных отношения: между плательщиком и третьим лицом (в силу договора) и между третьим лицом и приобретателем (в силу исполнения недолжного или действия в чужом интересе без поручения). Однако авторы указывают, что *правовое сознание* требует признания возможности предъявления прямого кондикционного требования от плательщика в адрес приобретателя².

Можно заметить определенную непоследовательность: с одной стороны, авторы утверждают, что обязательственное отношение между плательщиком и приобретателем отсутствует, но в то же время признают наличие такого отношения для цели предъявления кондикционного требования. Причем обоснованием такого требования является *правовое сознание*, хотя такое понятие не имеет какого-либо сущностного наполнения.

В работах, посвященных неосновательному обогащению, такие ситуации не получили самостоятельного исследования. Между тем некоторые авторы прямо указывали, что удовлетворение кондикционного требования не зависит от того, получен ли предмет обогащения непосредственно от потерпевшего или опосредованно от третьего лица.

Так, В.А. Рясенцев писал, что *«утраченное имущество через сделку с третьим лицом может быть истребовано от приобретателя только в том случае, когда переход к последнему имущества лишен основания»*³.

М.А. Гурвич при характеристике обязательств из неосновательного обогащения уточняет условия их возникновения: 1) наличие обогащения на стороне обогатившегося; 2) происхождение обогащения за счет потерпевшего; 3) отсутствие достаточного основания. Первые два условия образуют категорию, которую автор именуется как «перемещение имущества» – получение выгоды обога-

¹ Гражданское уложение: проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. Кн. 5: Обязательства. Т. 5. С объяснениями. СПб.: Гос. тип., 1899. С. 403–405.

² Там же. С. 406.

³ Рясенцев В.А. Обязательства из так называемого неосновательного обогащения в советском гражданском праве // Ученые записки Московского государственного университета. Труды юридического факультета. 1949. Вып. 144. Кн. 3. С. 99.

тившимся (первое условие) и ущерб в имуществе потерпевшего (второе условие)¹. Соответственно, перемещение какого-либо имущества без достаточного основания означает наличие всех условий для возникновения кондикционного обязательства. В этом контексте, по мысли М.А. Гурвича, закон не подразумевает необходимость именно непосредственного перехода имущества от потерпевшего к приобретателю²; важно, накоплен ли трехкомпонентный фактический состав кондикционного обязательства. В примере, указанном выше в начале этого раздела, третье лицо (как потерпевший, имущество которого уменьшилось) может предъявить кондикционное требование напрямую к приобретателю, поскольку между ними произошло перемещение имущества.

Иные позиции отечественных авторов, специализировавшихся на кондикционных обязательствах, существенно не отличаются от изложенных выше. Авторы либо в принципе не упоминают требование непосредственности перемещения активов, ограничиваясь указанием на необходимость накопления трехзвенного состава³, либо констатируют, что данное требование является неактуальным для отечественного права⁴.

Можно отметить, что в трудах современных ученых присутствуют положения о том, какой вариант разрешения указанного выше примера является наиболее правильным.

В.А. Хохлов отмечает, что вне зависимости от того, возложено исполнение обязательства на третье лицо или нет, *«получение кредитором соответствующих средств от третьего лица не может рассматриваться как неосновательное обогащение, если права кредитора, должника, третьего лица (иных лиц) не нарушены, а само исполнение нет оснований считать ненадлежащим»*⁵. Как видно, данное утверждение не дает никаких ориентиров для разрешения указанных выше ситуаций. Автор фактически говорит: «права не нарушены – нет неосновательного обогащения», но что в данном случае следует понимать под нарушением прав, автор не объясняет. При этом важно, что учение о неосновательном обогащении в принципе не оперирует такой категорией, как противоправность, которая характерна для института гражданско-правовой ответственности.

¹ Гурвич М.А. Институт неосновательного обогащения в его основных чертах по Гражданскому кодексу РСФСР // Советское право. 1925. № 2(14). С. 90.

² Там же. С. 91.

³ Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М.: Госюриздат, 1951. С. 212; Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права. М.: Статут, 2007. С. 597; Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М.: Госюриздат, 1950. С. 197–199.

⁴ Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. С. 437.

⁵ Хохлов В.А. Общие положения об обязательствах: учебное пособие. М.: Статут, 2015.

В другой работе высказывается мнение, что третье лицо управомочено на предъявление кондикционного иска к должнику, по поручению которого оно осуществляет исполнение, поскольку «плательщик потерпел ущерб «за счет» несостоявшегося должника, а не иных лиц»¹. На наш взгляд, данный подход так же ничего не объясняет и при этом содержит круг в определении (третье лицо требует от должника, так как оно вправе требовать от должника).

А.Ю. Чурилов отталкивается от идеи защиты кредитора. В частности, автор указывает, что «при правомерном, добросовестном принятии исполнения со стороны кредитора» последний не может являться ответчиком по иску о взыскании неосновательного обогащения даже при недействительности отношений покрытия. В данном случае автор по какой-то причине так же использует слово «правомерный» применительно к принятию кредитором исполнения от третьего лица². Тем не менее, как видно, А.Ю. Чурилов, по сути, воспроизводит тот же подход, который описан Пленумом ВС РФ в вышеуказанном Постановлении. Иными словами, автор предлагает ориентироваться на фигуру кредитора (получателя исполнения), но непонятно, во всех ли случаях (даже в рамках исследуемой автором ст. 313 ГК РФ) такой тест, по мысли автора, является рабочим. Стоит отметить, что подход, согласно которому кредитор не имеет возможности ничего проверить и не должен испытывать какие-либо неблагоприятные последствия, связанные с отношениями покрытия, в которых он не участвует, можно считать господствующим в отечественной доктрине³.

Из представленного обзора можно сделать вывод, что отечественной наукой не предложено какого-либо универсального критерия для разрешения трехсторонних кондикций. Представляется, что это связано с тем, что в указанных выше подходах не рассмотрены все возможные ситуации в рамках настоящей темы. В частности, отечественная доктрина не дает ответа на вопрос, кто должен быть надлежащим кредитором и должником по кондикционному обязательству в тех случаях, когда инструкция должника оказалась ничтожной или в принципе отсутствовала. Может ли при таких обстоятельствах третье лицо предъявить требование к должнику с учетом того, что цель третьего лица заключалась именно в исполнении обязательства должника перед кредитором? Или же третье лицо должно предъявлять требование непосредственно к получателю платежа? Ответы на эти вопросы отсутствуют в отечественной доктрине.

¹ Слесарев А.В. Обязательства вследствие неосновательного обогащения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 184.

² Чурилов А.Ю. Участие третьих лиц в исполнении гражданско-правового обязательства: монография. М.: Юстицинформ, 2019.

³ См., напр.: Сарбаш С.В. Обязательства и их исполнение: комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» (постатейный). М.: М-Логос, 2022. С. 345.

Иной точки зрения придерживается Д.В. Новак. Так, он предлагает в качестве отправной точки использовать то, с какой *целью* третье лицо осуществляет предоставление в пользу кредитора¹.

Если третье лицо действовало с намерением исполнить собственное обязательство перед должником, то такой платеж прекращает обязательство должника перед кредитором, в результате чего на стороне должника возникает неосновательное сбережение в размере стоимости того, что он потратил бы при самостоятельном исполнении обязательства. Если же третье лицо ошибочно полагало, что исполняет собственное обязательство перед кредитором, то обогатившимся является кредитор, поскольку обязательство должника не прекращается². Стоит отметить, что данная точка зрения является основой современного учения в сфере кондикционных обязательств, осложненных участием третьего лица, в некоторых иностранных правовых порядках. В связи с этим предлагаем более подробно рассмотреть данный подход в соответствующем разделе ниже.

2. НЕОСНОВАТЕЛЬНОСТЬ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ВИДОВ НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ

Прежде чем переходить к иностранному опыту, полагаем, что необходимо остановиться на важной особенности всех вышеуказанных подходов отечественных ученых. Так, можно заметить, что все упомянутые подходы в данном вопросе не приводят каких-либо различий в решении в зависимости от происхождения обогащения. Иными словами, как в случае происхождения обогащения в результате действий кредитора, так и в результате действий должника будут применяться одни и те же подходы, несмотря на различия их структуры. В этом также проявляется, что отечественные авторы либо формулируют определенные критерии применительно лишь к одной ситуации оплаты чужого долга третьим лицом, либо формально заявляют об отсутствии условия непосредственности и на этом заканчивают рассуждения.

Представляется, что такая позиция доктрины не может быть принята в современном правовом дискурсе. По нашему мнению, необходимо различать две ситуации неосновательного обогащения: обогащение, возникающее по причине действий потерпевшего, и обогащение, возникающее по иным причинам (например, по причине действий приобретателя). Первый из данных случаев более склоняется к квазидоговорной ситуации, поскольку эти случаи чаще всего возникают по причине, например, отпадения правового основания в дальнейшем или невозникновения правового основания в рамках уже сложившихся договорных право-

¹ Новак Д.В. Неосновательное обогащение в гражданском праве. М.: Статут, 2010 (СПС «КонсультантПлюс»).

² Там же.

отношений сторон¹. То есть, как правило, это случаи, когда потерпевший состоял в каких-либо отношениях (чаще всего в договорных) до момента отпадения основания. Иными словами, до момента обогащения потерпевший выбрал своего контрагента и принял риски его банкротства, соответственно, было бы справедливо, чтобы такое распределение рисков сохранялось и на стадии возврата неосновательного обогащения².

Как можно заметить, в тех случаях, когда обогащение происходит не в результате действий потерпевшего, такое правило не должно применяться. Имеется в виду, что не должны применяться ограничения, не позволяющие предъявлять кондикционное требование не к договорному партнеру.

Для иллюстрации данной проблемы в рамках кондикции, происходящей в результате действий самого приобретателя, можно привести следующие примеры. Так, в работе О.С. Иоффе приводится такая ситуация: поставщик отгрузил продукцию заводу электробытовых приборов, а железная дорога по ошибке выдала ее заводу «Электроаппарат», который продукцию принял, полагая, что она отправлена в счет его договора с тем же поставщиком на поставку однородных предметов. Уже после того, как продукция была потреблена, выяснилось, что оплатил ее завод электробытовых приборов. По требованию дороги, к которой был предъявлен иск, арбитраж привлек к участию в деле завод «Электроаппарат» и взыскал с него в пользу истца стоимость ошибочно полученной продукции³.

Из данного дела видно, что у двух заводов не было каких-либо договорных отношений друг с другом. В рассматриваемом деле обогащение возникло в связи с тем, что завод «Электроаппарат» получил фактически чужую продукцию, которая была оплачена потерпевшим и, по сути, передана потерпевшему его поставщиком (путем сдачи товара перевозчику). Соответственно, завод «Электроаппарат» не имел права использовать данную продукцию в своей деятельности. Подобный пример приводил В.А. Рясенцев: действительный покупатель моторов по договору отказался от их принятия и оплаты. Моторы были выданы другому лицу, которое оплатило их по цене 1000 руб., хотя действительная стоимость составляла 25 000 руб. Продавец моторов, несмотря на отсутствие прямых договорных связей между ним и получателем моторов, предъявил кондикционное требование, которое было удовлетворено⁴.

Другой пример. В Германии было рассмотрено следующее дело: потерпевший предъявил кондикционное требование к собственнику соседнего участка,

¹ См., напр.: *Dietrich J. The Limitations of Unjust Enrichment: A New Perspective on Restitution*. Australia: Australian National University, 1994. P. 180–185; *Каммерер Э. Обогащение и недозволенное действие. Часть вторая* // Вестник гражданского права. 2010. № 3. С. 274–298.

² *Каммерер Э. Указ. соч.*

³ *Иоффе О.С. Указ. соч. С. 437–438.*

⁴ *Рясенцев В.А. Указ. соч. С. 89.*

который сдавал свой участок в аренду. Арендаторы пользовались дорогой, которая проходила через земельный участок потерпевшего, для доступа к подземной парковке. Суд удовлетворил требование, указав, что хотя собственник сам не пользовался данной дорогой, он извлек экономическую выгоду, выразившуюся в сбережении расходов на платное пользование дорогой¹.

Можно также привести пример из современной судебной практики. Фабула дела заключалась в следующем: компания Маракуйя Глобал является правообладателем товарного знака *Maraquía*. Под данным обозначением компания оказывает услуги по восстановлению национальных лесов и парков в РФ. ООО «Лаборатория леса», компания, учрежденная генеральным директором Маракуйя Глобал, незаконно использовала на своем сайте товарный знак, с помощью чего переманивала клиентов Маракуйя Глобал. Учредитель компании предъявил исковое требование о взыскании убытков в адрес ООО «Лаборатория Леса» и директора².

Хотя данное дело преимущественно касалось взыскания убытков с директора на основании ст. 53.1 ГК РФ, ВС РФ указал, что ООО «Лаборатория леса» не является надлежащим ответчиком по иску о взыскании убытков, однако оно может быть ответчиком по кондикционному требованию: *«...участник оборота, в интересах которого действовал генеральный директор, не освобождается от обязанности возместить все доходы, которые он извлек или должен был извлечь из неосновательного получения (использования) чужого имущества. При ином подходе неосновательно обогатившееся лицо, пользуясь чужим имуществом, не имело бы никаких негативных экономических последствий, равно как не было бы экономически стимулировано к скорейшему возврату имущества потерпевшему»³.*

Иными словами, в данной ситуации действия директора стали основанием для возникновения неосновательного обогащения у ООО «Лаборатория леса» за счет компании Маракуйя Глобал.

Как видно из указанных выше примеров, в данных ситуациях вряд ли возможно применить критерии, которые используются для ситуаций обогащения, возникшего в результате действий потерпевшего, в связи с различной структурой взаимоотношений сторон. Это обусловлено тем, что для таких ситуаций значение имеет тот факт, что потерпевший передает имущество во исполнение предполагаемого обязательства. Наоборот, в случаях обогащения, возникающего в резуль-

¹ ВГН 19.4.1985, ВГНЗ 94.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 20 декабря 2022 г. № 305-ЭС22-11906 по делу № А40-96008/2021.

³ Там же. Отметим, что данная позиция используется судами в рамках аналогичных дел (см., напр., постановления АС Московского округа от 16 апреля 2024 г. № Ф05-35866/2022 по делу № А40-131626/2022, АС Северо-Западного округа от 16 апреля 2024 г. № Ф07-2968/2024 по делу № А56-124378/2022).

тате действий приобретателя, отсутствует факт исполнения, в связи с чем невозможно установить цель предоставления¹.

В действительности при происхождении обогащения в результате действий приобретателя проблема участия в правоотношении третьего лица является скорее искусственной. Так, во всех указанных примерах, несмотря на присутствие третьего лица, кондикционное правоотношение возникает вне зависимости от какого-либо предоставления со стороны третьего лица. Наоборот, благо, принадлежащее потерпевшему, присваивается приобретателем своими действиями и в свою пользу.

Как указывает Э. фон Каммерер, в случае происхождения обогащения в результате действий приобретателя ему «не помогает то, что он купил вещи у третьего лица, т.е. приобрел их при наличии правового основания»². Иными словами, в таких ситуациях потерпевший может предъявить иск к должнику по кондикционному требованию вне зависимости от того, приобрел ли такой должник имущество на основании договора с третьим лицом. Можно привести следующий пример: в деле *Lipkin Gorman v. Karpnale Ltd.* партнер юридической фирмы, пристрастившись к азартным играм, проиграл в казино ответчика вверенные клиентом денежные средства³. Несмотря на то что клиент не состоял в каких-либо отношениях с ответчиком, суд признал последнего должником по кондикционному требованию⁴.

Наоборот, если же речь идет о происхождении обогащения в результате действий (предоставления) потерпевшего, то кондикционное требование может быть предъявлено по общему правилу к тому лицу, которое получило имущество по такому предоставлению⁵.

Соответственно, для разрешения данных ситуаций может быть применен тот критерий, который используется для стандартных ситуаций обогащения в результате собственных действий приобретателя, – теория прикрепленного содержания субъективного права⁶. По смыслу данной теории, в кондикционном обязательстве имеется две стороны: 1) лицо, которому принадлежит благо, и 2) лицо, которое присвоило благо в свою пользу. В связи с тем, что первому лицу

¹ *Larenz K., Medicus D. Schuldrecht II: Besonderer Teil. 18. Aufl. München: C.H. Beck, 2018. S. 459–462; Schmidt-Recla A. Deutsche Dogmen und englisches leapfrogging bei der Restitution im Dreiecksverhältnis // JuristenZeitung. 2010. Bd. 65. H. 23. P. 1150–1156.*

² *Каммерер Э. Указ. соч. С. 274–298.*

³ *Lipkin Gorman v. Karpnale Ltd. [1988] UKHL 12.*

⁴ В то время в Англии игорные контракты противоречили публичному порядку, в связи с чем признавались ничтожными в соответствии с Законом об азартных играх (*Gaming Act*) 1845 г.

⁵ *Каммерер Э. Указ. соч. С. 274–298.*

⁶ См. подробнее об этой теории: *Ellger R. Bereicherung durch Eingriff. Tübingen: Mohr Siebeck, 2002.*

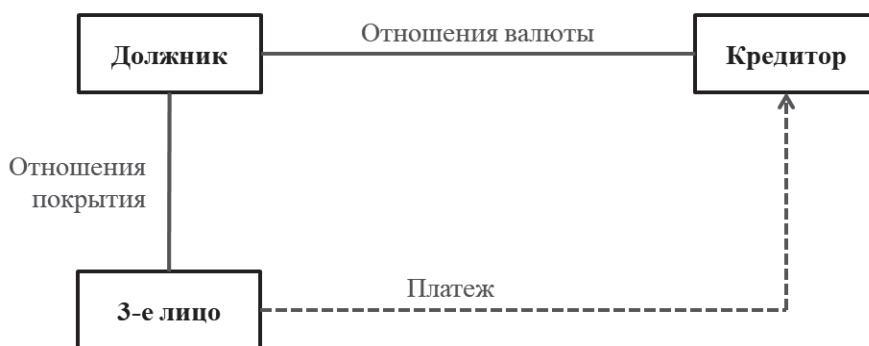
принадлежат исключительные правомочия в отношении указанного блага, ему принадлежит также кондикционное требование к приобретателю данного блага. Иными словами, исходя из самой структуры упомянутого вида обязательства какие-либо действия третьего лица в рамках данной структуры не могут иметь какого-либо значения.

3. ЛЕГИТИМАЦИЯ В РАМКАХ КОНДИКЦИИ ИЗ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ

Как уже было сказано, проблема трехсторонней кондикции имеет особое значение именно в контексте кондикции из предоставления, т.е. в тех ситуациях, когда обогащение происходит от потерпевшего.

В качестве базовой ситуации можно взять пример, указанный в начале настоящей работы: третье лицо А на основании инструкции своего кредитора С исполняет обязательство последнего перед Б. С является должником по отношению к Б, в связи с чем в дальнейшем изложении при употреблении слов «должник» и «кредитор» будут пониматься С и Б соответственно. Отношения А и С именуется отношениями покрытия, а отношения Б и С – отношениями валюты.

Для наглядности можно привести следующее схематическое изображение структуры таких отношений:

3.1. Исторические корни

Для целей дальнейшего изложения необходимо отметить исторический контекст указанной выше проблемы на примере римского права. Так, римское право допускало возможность исполнения обязательства третьим лицом во исполнение инструкции должника. Такая инструкция именовалась делегацией платежа (*delegatio solvendi*). Факт выдачи такой инструкции одновременно управомочивал (1) третье лицо на совершение платежа и (2) кредитора на получение такого платежа. Важно, что лицо Б «вынуждено участвовать в делегации, поскольку

она составляет оферту платежа, отказ от которой равносителен просрочке в принятии исполнения»¹.

Как указывает Д.В. Дождев, А платит, повинуюсь приказу Б, а значит, освобождается от обязательства. «Если бы он действовал по собственной инициативе... прекращения обязательства не последовало бы, поскольку неясно, как соотносится такой платеж с интересами кредитора [имеется в виду кредитор третьего лица]»².

Важно подчеркнуть, что делегация представляла собой не единый процесс, не одно юридическое действие, которое совершается действиями третьего лица в пользу кредитора. Наоборот, в делегации в действительности заложено два акта передачи имущества, которые происходят последовательно в юридическую секунду. Платеж третьего лица прекращал как обязательство третьего лица по отношению к лицу, выдавшему инструкцию (должник в отношении валюты, делегант), так и обязательство делеганта в рамках отношения валюты³. Иными словами, в юридическую секунду третье лицо (А) исполняет, во-первых, свое обязательство перед С (как бы предоставляет ему денежные средства), а затем С исполняет свое обязательство перед Б (предоставляет денежные средства, которые были ранее предоставлены ему третьим лицом).

По причине наличия двух отношений (и двух передач) говорить о том, что делегация является трехсторонним отношением, не приходится. Как указывал А.С. Кривцов, третье лицо «должно находить достаточное удовлетворение и эквивалент в своем собственном отношении к делеганту»⁴. То есть третье лицо, передавая имущество кредитору-делегатарии, на самом деле стремится исполнить свое обязательство перед делегантом. Соответственно, при наличии каких-либо дефектов в отношении покрытия или отношении валюты эквивалентность предоставлений сторон в рамках двух передач будет оцениваться

¹ Дождев Д.В. Делегация и исполнение: анатомия обязательства / Дождев Д.В. Европейская традиция частного права: исследования по римскому и сравнительному праву: в 2 т. Т. 2: Залоговое право. Обязательство. Договор купли-продажи. М.: Статут, 2021. С. 114.

В данном контексте можно видеть идею, которая в настоящий момент воплощена в отечественном праве в части обязанности кредитора принять исполнение, предложенное третьим лицом за должника: эта обязанность не является обязательством в смысле «сделать что-либо», к совершению которого можно понудить путем предъявления требования об исполнении в натуре.

В связи с этим ВС РФ в своих разъяснениях снимает с добросовестного кредитора риск оказаться должником по кондиционному обязательству. Иначе получалась бы ситуация, что кредитор оказывается в безвыходном положении: он не может отказаться от принятия исполнения, так как попадает в просрочку, и не может принять исполнение, так как оно в дальнейшем может быть истребовано путем возврата неосновательного обогащения.

² Там же. С. 116.

³ Там же. С. 120.

⁴ Кривцов А.С. Абстрактные и материальные обязательства в римском и в современном гражданском праве. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1898. С. 206.

отдельно: эквивалентность в отношении А-Б и эквивалентность в отношении Б-С. Поскольку А не имеет каких-либо юридических отношений с С, помимо факта платежа, то и невозможно нарушить (а затем и восстановить) эквивалентность между ними.

С учетом сказанного ситуацию исполнения по инструкции можно представить в качестве цепочки последовательных действий по передаче имущества: А осуществляет платеж Б, а Б осуществляет платеж С. Третье лицо, производя платеж, исполняет не только обязательство должника по отношению к кредитору, но и свое обязательство перед должником. Соответственно, в одном платеже объединены сразу два исполнения¹. В случае ничтожности одного из договоров, на основании которых совершается платеж, соответствующее требование будет локализовано в «дефектном» правоотношении.

Соответственно, применительно к исполнению обязательств третьим лицом при наличии возложения право рассматривает в качестве должника, исполняющего обязательство, именно С, поскольку именно С, несмотря на возложение исполнения на А, продолжает отвечать перед Б. Следовательно, неправильно было бы говорить, что при возложении исполнения третье лицо и должник образуют множественность лиц на стороне должника или что третье лицо заменяет должника в обязательстве².

3.2. Концепция целенаправленного предоставления

Как указывал Д.В. Новак, критерием разрешения кондикционной проблемы в таких ситуациях может стать цель, с которой третье лицо совершает предоставление. Стоит отметить, что эта идея является важным аспектом учения о неосновательном обогащении в зарубежных правовых порядках (в частности, в немецком правовом порядке)³.

Напомним, что одной из базовых концепций в немецком учении о неосновательном обогащении является категория предоставления (*Leistung*), под которым понимаются не только действия по исполнению, но именно сознательное и целенаправленное увеличение чужого имущества⁴. Критерий целенаправленности в данном случае имеет существенное значение. Делая какое-либо предоставление, лицо обычно имеет цель прекратить свое обязательство перед кредитором. Такое предоставление находит свою каузу в указанном обязательстве. Если обязательство прекращено, никогда не существовало или имеет какой-либо

¹ Schmidt-Recla A. Op. cit. S. 1150–1156.

² Толстой В.С. Исполнение обязательств. М.: Юрид. лит., 1973. С. 80–85.

³ Dannemann G. The German Law of Unjustified Enrichment and Restitution: A Comparative Introduction. Oxford; New York: Oxford University Press, 2009. P. 25.

⁴ Шап Я. Система германского гражданского права / пер. с нем. С.В. Королева. М.: Междунар. отношения, 2006. С. 117–118.

иной дефект (возникло из ничтожной сделки), то в таком случае отсутствует кауза предоставления¹. Соответственно, предмет предоставления может быть истребован с помощью кондикционного требования.

Важно, что цель (кауза) предоставления может состоять не только в исполнении обязательства (*causa solvendi*), но и, например, в предоставлении имущества в качестве дара (*causa donandi*). Утверждается, что цель определяется исходя из представления о типизированных мотивах участников сделки, список которых носит характер *numerus clausus* и которые лежат в фундаменте любого сделочного акта: обмен, дарение, исполнение обязательства (*Austausch, Schenkung, Abwicklung*)². В этой связи стоит отметить, что неосуществление (недостижение) цели также означает отсутствие правового основания для перемещения имущества. Важно, что с позиций современной теории неосновательного обогащения критерий «без правового основания» в рамках кондикции из предоставления понимается именно как недостижение цели предоставления (субъективный подход), в отличие от подхода, согласно которому правовое основание – конкретный юридический факт, на котором основано перемещение имущества (как правило, соглашение) (объективный подход)³.

Исходя из того, какую цель преследует лицо, которое осуществляет предоставление, делается вывод о характере и сторонах кондикционного обязательства. Так, С. Майер указывает, что необходимо различать две ситуации: оплата третьим лицом чужого долга и платеж третьего лица на основании инструкции должника⁴. Разберем их по отдельности более подробно.

3.2.1. Платеж по инструкции

В случае с платежом третьего лица на основании инструкции (выданной от С в адрес А) цель третьего лица А заключается в исполнении своего собственного обязательства по отношению к своему кредитору С. Хотя А передает имущество непосредственно Б и именно между ними имеет место фактическая передача,

¹ Loewenheim U. Bereicherungsrecht. 3. Aufl. München: C.H. Beck, 2007. S. 22; Егоров А.В. Структура обязательственного отношения: наработки германской доктрины и их применимость в России // Вестник гражданского права. 2011. № 3. С. 241–274.

² Schnauder F. Leistung ohne Bereicherung? – Zu Grundlagen und Grenzen des finalen Leistungsbegriffs // Archiv für die civilistische Praxis. 1987. Bd. 187. H. 2. S. 147.

³ См., напр.: Meier S. Unjust Factors and Legal Grounds // Unjustified Enrichment: Key Issues in Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 37–40; Новак Д.В. Указ. соч.; Тузов Д.О. Судьба платы за заключение несостоявшегося госконтракта. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 14.06.2016 № 306-ЭС16-606 // Вестник экономического правосудия РФ. 2016. № 9. С. 23–28; Гербутов В.С. Обзор диссертаций на тему неосновательного обогащения // Вестник гражданского права. 2008. № 2. С. 283–284.

⁴ Meier S. Mistaken Payments in Three-Party Situations: A German View of English Law // Cambridge Law Journal. 1999. Vol. 58. Iss. 3. P. 588–589. Можно заметить, что такой подход созвучен с тем, о чем писал Д.В. Новак в своей работе.

основное намерение А исключительно связано с исполнением своего обязательства. Иными словами, А дает имущество Б, чтобы освободиться от долга перед С. Соответственно, А не интересуется содержанием правоотношений между Б и С. При отсутствии каких-либо дефектов платеж А прекращает оба обязательства¹. Такое развитие событий не вызывает каких-либо сомнений и укладывается в классическое понимание института исполнения обязательства третьим лицом.

Основной проблемный вопрос, который будет раскрыт далее, заключается в ситуации наличия каких-либо дефектов в отношениях покрытия или отношениях валюты.

Следует отметить, что истинным плательщиком в случае дефекта в отношениях Б-С является именно Б (несмотря на то, что фактически долг был оплачен в результате предоставления, сделанного А). В связи с этим кондикционное требование по возврату осуществленного предоставления должно иметь место в том правоотношении, которое оказалось дефектным. Та же логика распространяется на случаи дефектности отношений А-С, т.е. А не может требовать возврата неосновательного обогащения от С, поскольку С получил именно то, что ему должно было быть предоставлено со стороны Б².

Иными словами, вопрос локализации кондикционного притязания в случае платежа по инструкции решается в зависимости от того, в каком правоотношении имеется дефект, т.е. каждое отношение рассматривается отдельно, как если бы мы имели дело с обычной двусторонней кондикцией.

3.2.2. Оплата чужого долга

Если А в отсутствие каких-либо инструкций предоставляет денежную сумму Б с намерением оплатить долг С перед Б и такой долг в действительности существует, то обязательство С прекращается. Иными словами, предоставление, сделанное А, прекращает обязательство С перед Б. Для восполнения «минуса» в своей имущественной сфере, который образовался в результате предоставления, А имеет право предъявить обратное требование к С³.

Так обстоят дела при отсутствии каких-либо дефектов в отношениях сторон. Поскольку С не давал каких-либо инструкций в адрес А, то единственный вопрос, который может возникнуть, заключается в следующем: какое значение с точки зрения неосновательного обогащения имеет дефектность правоотношений между Б и С?

¹ Meier S. Mistaken Payments in Three-Party Situations: A German View of English Law. P. 590.

² Meier S. Mistaken Payments in Three-Party Situations: A German View of English Law. P. 592–595; Martinek M. Unjust Enrichment Issues in Triangular Situations of Defective Cashless Payments – The German Approach in a Comparative Perspective // <http://archiv.jura.uni-saarland.de/projekte/Bibliothek/text.php?id=219>.

³ Meier S. Mistaken Payments in Three-Party Situations: A German View of English Law. S. 590–595.

В данном контексте можно помыслить два возможных пути решения проблемы: кондикционное требование от А к С или кондикционное требование от А к Б. Оба подхода базируются на определенных аргументах, суть которых рассмотрена ниже.

По аналогии с исполнением третьего лица по инструкции в случае дефектности отношений валюты можно было бы предположить, что в случае оплаты долга Б также необходимо предъявлять требование не к С (фактическому получателю платежа), а к Б. С одной стороны, такое решение не затрагивает интересов кредитора С, который по общему правилу не должен проверять действительность правоотношений между А и Б. К тому же А, исполняя обязательство Б, в первую очередь имеет в виду именно Б, рассматривает его как получателя предоставления, и цель А заключается в том, чтобы осуществить предоставление в пользу Б (прекратить его обязательство). Соответственно, к таким ситуациям можно было бы применить подход, выработанный для разрешения ситуаций исполнения по инструкции, а именно принцип целенаправленного предоставления.

С другой стороны, руководствуясь подходом целенаправленного предоставления, можно сказать, что цель третьего лица заключается уже не в исполнении обязательства по инструкции (т.е. своего обязательства перед Б), но в прекращении обязательства Б перед С. Если в первом случае третье лицо намеревается исполнить собственное обязательство (и соответственно его не интересует содержание отношений валюты), то во втором – он исполняет именно чужое обязательство, в связи с чем действительность такого обязательства приобретает для него ключевое значение. В случае дефектности или отсутствия такого обязательства цель, с которой третье лицо делает предоставление, не достигается: никакой долг не прекращается в связи с предоставлением А. В связи с этим требование из неосновательного обогащения должно быть направлено именно против получателя платежа (С).

Как видно, одна и та же теория способна объяснить два противоположных подхода. Однако, как указывают в доктрине, в подобных делах должен быть практически полностью исключен поиск какого-либо схематичного решения проблемы; в каждом отдельном случае необходимо исследовать все фактические обстоятельства дела, в том числе интересы сторон соответствующих правоотношений¹. Если проанализировать интересы участников этой операции, то получается, что:

– Б никак не участвует в этом платеже, не дает инструкций и не просит А исполнять его обязательство. В такой ситуации было бы несправедливо перекладывать на Б какие-либо последствия предоставления, в котором он не участвовал и которое он не санкционировал;

– С получает предоставление в отсутствие действительной обязательственной связи, о чем ему, с большой долей вероятности, известно. Соответственно, он не может рассматривать сделанное предоставление как надлежащее.

¹ Lorenz S. Bereicherungsrechtliche Drittbeziehungen // JuS. 2003. S. 729.

В связи с этим единственным верным вариантом в таких ситуациях является кондикционное требование А к непосредственному получателю платежа (С).

Как видно из двух описанных случаев, цель предоставления, сделанного третьим лицом, позволяет обосновать, к кому третье лицо может предъявить кондикционное требование. Если цель третьего лица заключалась в исполнении собственного обязательства перед его кредитором (должником в отношении валюты), который выдал инструкцию, то третье лицо может предъявить кондикционное требование только к своему договорному партнеру. Если же цель третьего лица заключается в исполнении чужого обязательства, то при дефектности отношений валюты третье лицо может предъявлять кондикционное требование напрямую к кредитору.

Указанное выше еще раз демонстрирует структурное отличие и необходимость дифференциации между видами кондикционных требований.

3.3. Проблемные вопросы теории

3.3.1. Преобладание субъективного элемента

Как видно, отправным критерием для определения надлежащих сторон кондикционного обязательства в описанных выше ситуациях является цель, с которой третье лицо осуществляет предоставление кредитору. Иными словами, субъективная сфера третьего лица при таком подходе становится определяющим элементом всей конструкции, от чего зависят дальнейшие кондикционные последствия. Однако представляется, что было бы несправедливо давать право на кондикционный иск в зависимости от того, какую цель преследовало третье лицо: прекращение своего собственного обязательства перед должником или обязательства должника перед кредитором.

Можно заметить, что даже в рамках этой концепции ученые признают недостаток субъективного понимания цели исполнения, поскольку определить на практике, какая цель имеется в виду третьим лицом, не представляется возможным¹. В связи с этим для защиты разумных интересов сторон предлагается решение: если цель третьего лица при осуществлении предоставления неизвестна, то необходимо ориентироваться на объективный стандарт разумного и добросовестного получателя платежа и то, как он воспринимает эту ситуацию с точки зрения стандартов и традиций гражданского оборота (*objektivierte Empfängerhorizont*)².

Для иллюстрации этого правила можно использовать следующий пример: в одном из дел работник финансового департамента одного из государственных органов имел полномочия по распоряжению денежными средствами этого

¹ Martinek M. Unjust Enrichment Issues in Triangular Situations of Defective Cashless Payments – The German Approach in a Comparative Perspective; Schmidt-Recla A. Op. cit. S. 1158.

² Ibidem.